

- [свт. Иоанн Златоуст#13;](#)
-

**свт. Иоанн Златоуст
**

**Слово о том, что кто сам себе не вредит,
тому никто вредить не может**

1. Знаю, что для людей грубых, пристрастных к настоящему, прилепившихся к земле и раболепствующих чувственным удовольствиям, а к духовным предметам не очень расположенных, настоящее слово покажется необычным и странным; они будут и громко смеяться и осуждать нас, как будто мы с самого начала речи говорим невероятное. Однако мы не оставим своего намерения, но по этому самому особенно и приступим с великим усердием к доказательствам того, что предложили. И если такие люди захотят, не смущаясь и не тревожась, дождаться конца беседы, то я уверен, что они согласятся с нами, будут осуждать самих себя за прежнее заблуждение, станут говорить противное, извиняться и просить прощения в том, что они имели неправильное понятие о вещах, и много будут благодарить нас, как больные благодарят врачей, избавившись от болезней, мучивших их тело. Поэтому не высказывай мне имеющегося у тебя теперь суждения, но подожди следствий наших слов, и тогда ты в состоянии будешь произнести неложный приговор, так как ничто по неведению не помешает истинному суждению. Так и по житейским делам заседающие судьи, хотя видят, что первый оратор говорит сильно и все потопляет своим красноречием, не решаются произнести приговор прежде, нежели выслушают с долготерпением и другого, противоречащего ему; но хотя бы первый казался говорящим правду, они сохраняют беспристрастное внимание и для другого. В том и состоит достоинство судей, чтобы, со всею точностью узнав дело с обеих сторон, потом произносить собственное суждение. Так и теперь общее у людей предубеждение, с течением времени укоренившееся в умах многих, точно какой оратор, по всей вселенной возвещает и говорит так: все низверглось в роде человеческом, везде великое смятение, ежедневно многие терпят обиды, угнетения, притеснения, ущерб, слабые от сильнейших, бедные от богатых; и как невозможно исчислить волн морских, так и множества обижаемых, угнетаемых, страждущих; ни действие законов, ни страх судилищ, и ничто не останавливает этой заразы

и болезни, но с каждым днем умножается зло; везде стон, плач, слезы обижаемых, и поставленные для исправления этого судьи сами увеличивают бурю и усиливают болезнь. Поэтому многие из неразумных и несчастных, впадая в необычайное неистовство, обвиняют промысл Божий, когда видят, что смиренного часто влекут, терзают, мучают, а дерзкий, наглый, бесчестный и происшедший от бесчестных обогащается, облачается властью, бывает для многих страшен, причиняет бесчисленные бедствия смиренным, и эти несправедливости бывают и в городах, и в селах, и в пустынях, и на суше, и на море. Итак, нам необходимо предложить это слово для опровержения вышесказанного, выступив на подвиг, хотя необычный и страшный, как я вначале сказал, но благопотребный, справедливый и полезный для тех, которые хотят внимать и поучаться. В нем будет доказано (не бойтесь же), что каждый обижаемый не от других терпит вред, но сам от себя.

2. А чтобы речь наша была более ясною, прежде всего исследуем, что такое вред и какого рода вещей он обыкновенно касается; также, в чем состоит совершенство человека, что вредит ему, и что вредит ему только по-видимому, а на самом деле не вредит. Например, – нужно подтвердить речь примерами, – каждая вещь терпит вред от чего-нибудь: железо от ржавчины, шерсть от моли, стада овец от волков. Добротность вина теряется, когда оно переменяет вкус и окисает; а добротность меда – когда он лишается свойственной ему сладости и переменяется в горькую жидкость. Хлебу на поле вредит прелость и засуха, виноградным плодам, листьям и ветвям – злой рой саранчи, другим деревьям – червь, и телам бессловесных – различные болезни; но чтобы, исчисляя все, слишком не распространить слова, скажем, что и нашему телу вредят горячки, расслабления и множество других болезней. Итак, если для каждого из этих предметов есть что-нибудь, повреждающее его добротность, то посмотрим, что вредит человеческому роду и от чего повреждается совершенство человека. Многие усматривают различные и необыкновенные причины. Нам нужно высказать и погрешительные мнения и, опровергнув их, потом указать на то, что подлинно вредит нашему достоинству, и ясно доказать, что никто не мог бы сделать нам несправедливости или причинить вреда, если бы мы не выдавали сами себя. Многие, по своим погрешительным мнениям, считают вредным для нашего достоинства разное – одни бедность, другие телесную болезнь, иные потерю имения, другие злословие, иные смерть, и непрестанно о том сокрушаются и плачут, и жалея испытывающих это, оплакивая их и поражаясь, говорят друг другу: «Какая беда случилась с таким-то – он

вдруг лишился всего имения!» А иной говорит о другом: «Такой-то подвергся жестокой болезни, и посещающие его врачи отчаялись в его жизни!» Один сетует и плачет о заключенных в темнице, другой об изгнанных из отечества и отправленных в ссылку, иной о лишенных свободы, другой о похищенных врагами и взятых в плен, иной о потонувшем или сгоревшем, другой о задавленном обрушившимся зданием. А никто не плачет о живущих нечестиво, но, что всего хуже, часто даже называют их счастливыми; это бывает причиной всех зол. Итак, – но не бойтесь, о чем я и вначале просил, – покажем, что ничто из вышесказанного не вредит человеку осторожному и не может причинить вред его достоинству. Подлинно, скажи мне, какой вред причинен достоинству человека тем, что он лишился всего имения, или что у него отняли все клеветники, разбойники, или домашние злодеи? Впрочем, если угодно, изобразим наперед, в чем состоит достоинство человека, указав предварительно на другие существа, дабы сделать речь вразумительнее и яснее для многих.

3. В чем же состоит доброта коня? В том ли, чтобы он имел золотую узду и такую же подпругу, множество попон из шелковых тканей, ковры разноцветные и златотканые, бляхи с драгоценными камнями и гриву, перевитую золотыми лентами, или в том, чтобы он был скор на бегу, крепок ногами, выступал стройно и имел копыта, каким надобно быть у доброго коня, одарен был крепкими силами, чтобы пробегать большие пространства, быть годным на войне, стоять в строю с великой бодростью, и в случае бегства спасти всадника? Не очевидно ли, что в последнем состоит доброта коня, а не в первом? Что также назвал бы ты добротой ослов и лошаков? Не то ли, чтобы они могли легко носить тяжести, удобно совершать путешествия и имели ноги твердые, подобно камню? Скажем ли мы, что внешнее что-нибудь, лежащее на них, увеличивает собственную их доброту? Нет. Какой хвалим мы и виноград: тот ли, на котором много листьев и ветвей, или тот, который обременен плодами? В чем поставляем доброту и маслины: в том ли, когда она имеет большие ветви и весьма много листьев, или в том, когда она приносит обильные плоды и вся ими усеяна? Так точно поступим и в отношении к людям: определим достоинство человека, и вредным для него будем считать только то, что вредит ему. В чем состоит достоинство человека? Не в богатстве – так, чтобы тебе бояться бедности; не в телесном здоровье – так, чтобы страшиться болезни; не во мнении народном, – так, чтобы смотреть на худую молву; не в жизни пустой и бесцельной – так, чтобы для тебя была страшна смерть; и не в свободе – так, чтобы убегать рабства, – но в точном

соблюдении истинного учения и в добродетельной жизни. А этого и сам диавол отнять не может у того, кто, имея, сохраняет это с надлежащим тщанием. Знает об этом и бес лукавейший и лютейший. Поэтому и Иова он лишил имущества не для того, чтобы сделать его бедным, но чтобы заставить его произнести какое-нибудь богохульное слово; и тело его поразил не для того, чтобы сделать его больным, но чтобы поколебать добродетель души. Но несмотря на то, что употребил все свои хитрости, из богатого сделал его бедным (что для нас кажется ужаснее всего), из многочадного бездетным, и растерзал все тело его гораздо хуже, нежели палачи в судилищах (ведь не так когти их терзают ребра попавшихся в их руки, как уста червей грызли плоть его), и распространил худую о нем молву (ведь друзья в его присутствии говорили, что он не довольно наказан за свои грехи, и много взводили на него обвинений), и не из города только или из дома изгнал его и переселил в другой город, но смрадный помет сделал для него и домом и городом, – однако не только нимало не повредил ему, но своими кознями сделал его еще более славным. Он не только не отнял у Иова ничего из имущества, хотя и отнял столько, но доставил ему еще большее богатство – добродетели. Подлинно, Иов стал иметь после того большее дерзновение, как подвизавшийся труднейшим подвигом. Если же тот, кто столько потерпел, и притом потерпел не от человека, а от злейшего всех людей беса, нисколько не понес вреда, то кто после того может иметь извинение, когда говорит: «Такой-то сделал несправедливость и нанес вред»? Если диавол, исполненный такой злобы, употребив все свои орудия и пустив все стрелы и все, какие бывают с людьми, бедствия, с преизбытком обратив и на дом и на тело праведника, не сделал никакого вреда этому мужу, но, как я сказал, еще более пользы принес ему, то как могут иные обвинять того или другого, как будто они от них потерпели вред, а не от самих себя?

4. Как же, скажешь, разве не сделал диавол вреда Адаму, не довел его до падения и не изгнал из рая? Нет, не он сделал это, а нерадивость падшего, невнимание к себе и небодрствование. Тот, кто, употребив столько и таких средств, не мог победить Иова, мог ли бы при меньших усилиях преодолеть Адама, если бы этот по своему небрежению не выдал сам себя? Как? Неужели тот, у кого по козням клеветников отнято имение, не потерпел вреда, лишившись всего имущества, потеряв отеческое наследство и впадши в крайнюю бедность? Не потерпел вреда, а еще получил пользу, если он внимателен к самому себе. Скажи мне, какой вред причинило это апостолам? Не с голодом ли, жаждой и наготой непрестанно боролись они? Но поэтому самому они и были весьма славны

и знамениты и великую получали помощь от Бога. Какой вред Лазарю причинили болезнь, раны, нищета и беспомощное одиночество? Не за это ли особенно и сплетены ему венцы? Какой вред был для Иосифа от того, что об нем была худая молва и в собственной его земле и в чужой? Его считали и распутником и блудником. Повредило ли ему рабство? Повредило ли удаление из отечества? Не поэтому ли особенно мы и восхищаемся им и изумляемся ему? Но что я говорю об удалении из отечества, о бедности, худой молве и рабстве? Самая смерть какой вред причинила Авелю, смерть и насильственная, и безвременная, и нанесенная братнею рукой? Не потому ли и прославляется он по всей вселенной? Видишь ли, как речь моя доказала более, нежели сколько обещала? Она показала, что не только никто не терпит вреда от кого-либо другого, но еще большую пользу получают внимательные к самим себе. «Для чего же, – скажешь, – наказания и мучения? Для чего геенна? Для чего столько угроз, если никто не терпит вреда и никто не делает вреда?» Что говоришь ты? Для чего смешиваешь выражения? Я не сказал, что никто не делает вреда, но что никто не терпит вреда. «Как же, – скажешь, – может быть, чтобы никто не терпел вреда, когда многие делают вред?» Так, как я только что сказал. Иосифу сделали вред братья, но сам он не потерпел вреда; и на Авеля злоумышлял Каин, но он не получил вреда от злоумышления. Для того и наказания и мучения. Не за добродетель страждущих Бог уничтожает наказания, но за нечестие порочных определяет мучения. Хотя страждущие от злоумышленников и делаются славнее, но это зависит не от намерения злоумышляющих, а от мужества подвергающихся злоумышлению. Поэтому последним определяются и готовятся награды за любомудрие, а первым наказания за злобу. Лишен ли ты богатства? Говори: «наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь» («наг изыдох от чрева матери моей, наг и отыду») ([Иов. 1:21](#)); присовокупи и апостольское изречение: «мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него» («Ничтоже бо внесохом в мир сей: яве, яко ниже изнести что можем») ([1Тим. 6:7](#)). Идет ли о тебе худая молва и бесчисленными злословиями осыпают тебя? Вспомни следующее изречение: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!» («Горе вам, егда добре рекут вам вси человець») ([Лк. 6:26](#)); и еще: «когда... пронесут имя ваше, как бесчестное... Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь» («Возрадуйтесь... и възграйте... егда... пронесут имя ваше яко зло») ([Лк. 6:22, 23](#)). Изгнан ли ты за пределы отечества? Представь себе, что ты не имеешь здесь отечества, но если хочешь быть любомудрым, то и всю землю тебе заповедано считать чуждой. Подвергся ли ты жестокой болезни? Скажи

апостольские слова: «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» («аще... внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни») ([2Кор. 4:16](#)). Потерпел ли кто насильственную смерть? Представь себе Иоанна и голову его, отсеченную в темнице, принесенную на блюде и отданную в награду за пляску блудницы. Представь себе и награды за это: все эти страдания, когда они причиняются кому-нибудь несправедливо, очищают грехи и доставляют праведность. Так велика от них польза для тех, которые переносят их мужественно!

5. Итак, если ни лишение богатства, ни клеветы и злословия, ни изгнание, ни болезни и страдания, ни самая смерть, которая кажется всего страшнее, не причиняют вреда испытывающим это, но еще приносят пользу, то от чего, укажи мне, может кто-нибудь потерпеть вред, когда от этого он не терпит никакого вреда? Напротив, я постараюсь доказать, что те особенно и терпят вред, испытывают мучения и неисцельно страждут, которые причиняют это другим. Кто может быть несчастнее Каина, который так поступил с братом? Кто жалче жены Филипповой, которая отсекала у Иоанна голову, или братьев Иосифа, которые продали его и удалили за пределы отечества? Кто несчастнее диавола, который подверг Иова таким бедствиям? Ведь он не только за прочие дела, но и за это злоумышление понесет великую казнь. Видишь ли, как и здесь слово наше показало больше обещанного, т. е. что не только угнетаемые не терпят никакого вреда от злоумышленников, но даже все обращается на голову злоумышляющих? Подлинно, если не богатство, и не свобода, и не жизнь в отечестве, и не другое что-нибудь из вышесказанного составляет достоинство человека, а добродетели души, то следует, что когда вред касается тех благ, то человеческое достоинство нисколько не терпит вреда. А что, если бы кто-нибудь лишился душевного любомудрия? И в этом случае, получая вред, он терпит его не от другого, а собственно сам от себя. Как, скажешь, собственно сам от себя? Когда он, испытывая от кого-нибудь бичевание, или отнятие имущества, или иное тяжкое притеснение, произнесет богохульное слово, то здесь он терпит вред и вред весьма великий, но не от притеснителя, а от собственного малодушия. Я и прежде говорил, и теперь скажу: никакой человек, хотя бы он был тысячекратно зол, не может ни на кого напасть свирепее и с большей яростью, нежели злой бес и непримиримый враг наш диавол, однако и этот злой бес не мог преодолеть и низложить человека, жившего прежде закона и прежде благодати, хотя со всех сторон пускал в него столько язвительных стрел. Таково благородство души! А Павел? Не потерпел ли он столько бедствий,

что и исчислить трудно? Он жил в темницах, был окован цепями, водим с места на место, терпел бичевания от иудеев, был побиваем камнями, был терзаем по спине не только ремнями, но и жезлами, тонул в море, часто попадал в руки разбойников, терпел гонение от единоплеменников, непрерывно был поражаем врагами и знакомыми, подвергался бесчисленным злоумышлениям, боролся с голодом и наготой, и другие постоянные и непрерывные переносил бедствия и скорби. Но что говорить много? Он умирал каждодневно, и однако, перенося столько и таких бедствий, он не только не произнес ни одного богохульного слова, но радовался и хвалился этим. В одном месте говорит он: «Ныне радуюсь в страданиях моих» («радуюсь во страданиях моих») ([Кол. 1:24](#)); в другом: «И не сим только, но хвалимся и скорбями» («Не точию же, но и хвалимся в скорбех») ([Рим. 5:3](#)). Если же он при таких страданиях радовался и хвалился, то какое извинение, какое оправдание будешь иметь ты, когда не переносишь и малейшей части их, а богохульствуешь?

6. «Но, – скажешь, – иным образом я терплю вред – тем, что, если не богохульствую, то, лишившись богатства, делаюсь несостоятельным для подавания милостыни». Это – предлог и отговорка! Если ты об этом скорбишь, то твердо знай, что бедность не бывает препятствием милостыне. Хотя бы ты был тысячекратно беден, все же ты не беднее той, которая имела только горсть муки ([3Цар. 17:12](#)), и той, у которой было только две лепты ([Лк. 21:2](#)), из которых та и другая, издержав все свое имение на бедных, удостоились дивной похвалы; и великая бедность не была препятствием столь великому человеколюбию, но милостыня, состоявшая из двух лепт, была так богата и значительна, что затмила всех богачей, и богатством расположения и избытком усердия превзошла тех, которые клали много статиров. Следовательно, и здесь ты не терпишь вреда, но еще большую получаешь пользу, через малое приношение приобретаешь венцы более блистательные в сравнении с теми, которые положили много. Впрочем, хотя бы тысячу раз мы говорили это, плотолюбивые души, любящие житейские удовольствия и пристрастившиеся к настоящим благам, не легко согласятся оставить эти увядающие цветы (таковы приятности настоящей жизни) и не решатся оставить эти тени, но даже лучшие из людей стремятся за теми и другими благами, а несчастнейшие и жалкие большею частью гоняются за здешними благами, а за тамошними – весьма мало. Сорвем же блестящую и благовидную маску с гнусного и безобразного лица этих предметов и покажем мерзость блудодейцы. Ведь такова именно жизнь, провождаемая в сластолюбии, сребролюбии и честолюбии: она гнусна, безобразна,

исполнена великой мерзости, неприятна, тягостна и полна горечи. Подлинно, пленившиеся ею совершенно лишены извинения особенно потому, что для них любезна и вожделенна эта жизнь, исполненная неприятностей и великой горечи, состоящая из бесчисленных зол, опасностей, кровопролитий, пропастей, подводных камней, убийств, страха, трепета, зависти, ненависти, коварства, и непрестанных беспокойств и забот, не доставляющая никакой пользы и не приносящая никакого плода от таких бедствий, кроме мучения, наказания и вечного страдания. Несмотря на то, что она такова, многим она кажется блаженной и вожделенной, что, впрочем, служит знаком безумия пленяющихся, а не блаженства самого обладания ею. Так и малые дети гоняются за игрушками и восхищаются ими, а о предметах, свойственных совершеннолетним, и понятия иметь не могут. Но для тех извинением служит несовершенный возраст, а эти не имеют никакого оправдания, имея детский ум в совершенном возрасте и поступая даже бессмысленнее детей.

А почему, скажи мне, вожделенно богатство? О нем надо мне начать речь, потому что оно для многих, зараженных этой жестокой болезнью, кажется драгоценнее и здоровья, и жизни, и народной похвалы, и доброго мнения, и отечества, и домашних, и друзей, и родных, и всего прочего. До самых облаков достигает пламя этого костра; и сушу, и море обнял огонь этой печи. Никто не тушит этого пламени, а раздувают все – как те, которые уже пленены, так и те, которые еще не пленены, чтоб быть плененными. Каждый может видеть, как все, и мужчина и женщина, и раб и свободный, и богатый и бедный, каждый по своим силам, день и ночь несут бремя, доставляющее великую пищу этому огню, бремя не дров и хвороста (не таков этот пламень), но душ и тел, неправды и беззакония. Именно этим обыкновенно поддерживается такой пламень. Богатые никогда не оставляют этой безумной страсти, хотя бы овладели всею вселенной, и бедные стараются сравняться с ними, и какое-то неисцелимое соревнование, необузданное бешенство и неизлечимая болезнь объемлет души всех. Всякую другую любовь преодолела эта любовь и изгнала вон из души; не смотрят ни на дружбу, ни на родство, – что я говорю: «дружбу и родство», – даже на жену и детей, любезнее которых ничего не может быть для мужей; но все брошено и попрано, потому что эта жестокая и бесчеловечная владычица овладела душами всех плененных. Подлинно, она, как бесчеловечная владычица, как жестокая госпожа, как свирепый варвар, как всенародная и жадная блудница, срамит, терзает и бесчисленным подвергает опасностям и мучениям тех, которые отдались

ей в рабство; но сколь она ни страшна и сурова, сколь ни груба и свирепа, хотя имеет лицо варварское, или, вернее, зверское и свирепее, чем у волка и льва, для плененных ею она кажется кроткой, любезной и слаще меда. Она ежедневно кует на них мечи и оружие, роет пропасти, влечет их к безднам, стремнинам и подводным камням и сплетает для них бесчисленные сети мучения; а между тем и пленники ее и желающие быть пленниками думают, будто она делает их счастливыми. Как свинья, валяясь в нечистоте и грязи, утешается и услаждается, равно как и жуки, непрестанно копающиеся в навозе, – так точно и преданные сребролюбию бывают несчастнее этих животных: мерзость здесь больше и грязь зловоннее. Предаваясь страсти, они думают получить от того великое удовольствие, – что зависит не от свойства самого предмета, но от души, страдающей таким безумием. А это хуже скотского безумия. Как причиной того, что животные остаются в грязи и навозе, бывает не грязь и навоз, а бессмыслие попадающих туда животных, – так рассуждай и об людях.

7. Но как исцелить нам таких людей? Для этого нужно, чтобы они захотели открыть нам слух свой и расположили ум свой к принятию слов наших. Бессловесных животных невозможно исправить и отклонить от нечистой жизни, потому что они без разума; а благороднейших существ, одаренных и разумом и словом, т. е. людей, если они захотят, удобно и весьма легко можно отклонить от этой грязи, зловония, нечистоты и мерзости. Почему тебе, человек, богатство кажется драгоценным? Конечно, по удовольствию, получаемому от трапез? По чести и множеству слуг, угождающих тебе за него? Потому, что ты можешь отмщать оскорбляющим тебя и быть для всех страшным? Других причин представить ты не можешь, кроме удовольствия, лести, страха и мщенья, потому что обыкновенно богатство отнюдь не делает никого ни мудрее, ни целомудреннее, ни смиреннее, ни благоразумнее, не делает ни добрым, ни человеколюбивым, не ставит выше ни гнева, ни чрева, ни удовольствий, не учит ни умеренности, ни смирению, и никакой другой добродетели не вселяет и не насаждает в душе. Ты не можешь сказать, чтобы ты искал и желал его по какой-нибудь из этих причин, потому что оно не только не способно насаждать или возвращать что-нибудь доброе, но если даже найдет добро, уже находящееся в человеке, то повреждает, останавливает и иссушает его; а иное и вовсе истребляет и вносит противное тому – безмерное воздержание, непристойную раздражительность, несправедливый гнев, гордость, надменность, безумие. Впрочем, не буду говорить об этом, потому что страдающие такой болезнью, всецело предавшись наслаждению и сделавшись его рабами, не терпят слушать о

добродетели и пороке и видеть себя в то же время осуждаемыми и обличаемыми. Оставим же речь об этом и поставим на вид другое; посмотрим, доставляет ли богатство какое-нибудь удовольствие или какую-нибудь честь. Я вижу все противное. И во-первых, если хотите, обратим внимание на трапезы богатых и бедных, и спросим вкушающих: кто из них особенно получает чистое и истинное удовольствие? Те ли, которые целый день возлежат на скамьях, соединяют ужины с обедами, переполняют чрево, притупляют чувства, чрезмерной тяжестью снедей погружают свою ладью и обременяют свой корабль, потопляя свое тело, как бы при кораблекрушении, связывают себе и ноги, и руки, и язык, и все тело свое цепями пьянства и пресыщения, которые тяжелее железных цепей, не имеют надлежащего и чистого сна, бывают не свободны от страшных сновидений, делаются несчастнее беснующихся, произвольно принимая в душу какого-то беса, становятся посмешищем для рабов, или, лучше, предметом сожаления и слез для самых кротких из них, не узнают никого из присутствующих, не могут ничего ни сказать, ни выслушать, но переносятся на руках другими со скамьи на постель? Или те, которые трезвы и бодрственны, определяют меру (еды и питья) нуждой, плывут по попутному ветру, и величайшее услаждение пищей и питьем находят в голоде и жажде? Ведь ничто не доставляет такого удовольствия и здоровья, как то, чтобы приниматься за пищу и питье при голоде и жажде, сытость измерять одной нуждой, не преступать ее пределов и не обременять тела сверх его силы.

8. Если ты не веришь словам моим, то посмотри на тело тех и других и на душу каждого из них. Не у тех ли, которые живут умеренно (не указывай мне на редкие случаи, когда кто-нибудь бывает слаб здоровьем по какому-либо другому обстоятельству, но суди по тому, что происходит всегда и непрестанно), – не у тех ли, которые живут умеренно, тело здорово, чувства светлы и с великой легкостью исполняют свое дело, а у неумеренных оно слабо, мягче всякого воска и подвержено множеству болезней? У них скоро является и подагра, и неприятное трясение тела, и безвременная старость, и головные боли, и расслабление и расстройство желудка, и потеря аппетита, и непрестанно они нуждаются во врачах, в постоянных лекарствах и в каждодневном лечении. Это ли, скажи мне, удовольствие? Кто так назовет это из тех, которые знают, что такое удовольствие? Удовольствие бывает тогда, когда удовлетворение следует за аппетитом; если же удовлетворение делается, а аппетита вовсе нет, то удовольствие теряется и исчезает. Поэтому-то больные, хотя бы перед ними лежала приятнейшая пища, с отвращением и как бы с

неприятностию вкушают ее, потому что у них нет аппетита, который делает удовлетворение приятным. Ведь не свойство пищи и питья, но аппетит вкушающих обыкновенно производит желание и доставляет удовольствие. Поэтому и один добрый муж, точно знавший удовольствия и умевший судить об этом, говорил: «Сытая душа попирает и сот» («Душа в сытости суши сотам ругается») ([Притч. 27:7](#)), выражая, что не в свойстве трапезы, но в расположении вкушающих состоит удовольствие. Поэтому и пророк, исчисляя чудеса, бывшие в Египте и в пустыне, между прочим, сказал, что Бог «насыщал бы их медом из скалы» («от камене меда насыти их») ([Пс. 80:17](#)), хотя нигде не видно, чтобы камень источал для них мед. Что же значат эти слова? Так как евреи, утомившись от труда и путешествия и сильно мучаясь жаждой, припадали к холодным струям, получая великое наслаждение вследствие жажды, то он, желая представить это удовольствие от питья воды, назвал воду медом не потому, чтобы она переменилась в мед, но потому, что приятность воды равнялась его сладости, так как пившие воду приступали тогда к ней с жаждой. Если же это так, и никто не может противоречить этому, хотя бы он был самый бессмысленный, то не очевидно ли, что при трапезах бедных бывает чистое, истинное и великое удовольствие, и, как сказал мудрый муж, «все горькое сладко» ([Притч. 27:7](#)), а при трапезах богатых неприятность, отвращение и омерзение.

9. «Но, богатство, – скажешь, – доставляет уважение имеющим его и удобство мстить врагам». Итак, потому, скажи мне, богатство кажется любезным и вожделенным для вас, что оно питает в нас сильнейшие страсти, приводит в действие гнев, поднимает славолубие до высочайшей степени, надмевает и доводит до безумия? Но потому особенно и нужно, не оглядываясь, бежать от него, что оно вселяет в ум наш некоторых диких и свирепых зверей, лишает истинного уважения у всех, а доставляет обманутым иного рода уважение, подкрашенное только его красками, и заставляет считать это уважение истинным, хотя оно по свойству своему не таково, а только по виду кажется таким. Подобно тому, как произведенная притираниями и прикрасами красота непотребных женщин, не составляя красоты, представляет для обольщающихся гнусное и безобразное лицо хорошим и благообразным, хотя оно на самом деле не хорошо, – так точно и богатство заставляет принимать лесть за уважение. Не смотри же на похвалы, произносимые открыто из страха и ласкательства, – это краски и прикрасы; но вникни в совесть каждого, кто так льстит тебе, и увидишь тысячи обвинителей, которые внутренне говорят против тебя, отвращаются и ненавидят тебя более, нежели злые

враги и неприятели. Если бы когда-нибудь случившаяся перемена обстоятельств сняла и обличила эту из страха составленную маску, как солнце жаркими лучами своими обнаруживает те лица, тогда ты ясно увидел бы, что ты во все прежнее время был в крайнем неуважении у своих угодников и считал себя почитаемым от тех, которые весьма ненавидят тебя, осыпают тебя в мыслях своих бесчисленными злословиями и желают видеть тебя в крайних бедствиях. И ничто не доставляет такого уважения, какое доставляет добродетель, уважение не вынужденное, уважение не притворное и не прикрытое какой-либо маской обмана, но истинное, искреннее, и не изменяемое никакими трудными обстоятельствами.

10. Ты хочешь отомстить оскорбившим тебя? Но поэтому самому, как я уже сказал, особенно и нужно избегать богатства. Оно обыкновенно заставляет тебя поднимать меч против себя самого, подвергает тебя строжайшему суду в будущем и приготовляет невыносимые наказания. Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него и уже данное прощение в бесчисленных грехах через него отменялось. Так тот, которому прощено было десять тысяч талантов и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда стал требовать от подобного себе раба сто динариев, т. е. стал требовать наказания за проступки в отношении к нему, то жестокостью к своему товарищу произнес приговор против себя самого; и не за другое что-нибудь, а только за это он и предан был мучителям, и был наказан, и должен был уплатить множество талантов, и никакого не получил прощения и оправдания, но потерпел жесточайшие мучения, и повелено было взыскать с него весь долг, который прежде человеколюбие Божие простило ему. Итак, потому ли, скажи мне, богатство вожделенно для тебя, что оно легко ведет тебя к такому греху? Напротив поэтому-то и надо отвращаться от него, как от врага, неприятеля и страшного убийцы. «Но бедность, – скажешь, – производит скорби, часто вынуждает произносить богохульные слова и решаться на низкие дела». Нет, не бедность, а малодушие. Так и Лазарь был беден, и весьма беден; к бедности присоединялась болезнь, которая, будучи горше всякой бедности, делала эту бедность еще несноснее; к болезни – еще беспомощное состояние и неимение благодетелей, которые делали и бедность и болезнь еще более горькими. Каждое из этих бедствий и само по себе мучительно, а когда нет и благодетелей, то бедствие становится еще больше, пламень сильнее, боль мучительнее, буря свирепее, волнение страшнее, печь жарче. Если же вникнуть точнее, то прибавится к этому и четвертое бедствие – невоздержание и роскошь жившего в соседстве богача. Если желаешь

найти что-нибудь и пятое к усилению пламени, то ясно увидишь, что и это находилось у него. Ведь богач не только роскошествовал, но видел дважды, трижды, или, вернее, многократно в день (Лазаря), – так как он лежал у двери, представляя жалкое зрелище несчастья, и одним видом мог бы смягчить даже каменную душу, – и несмотря на это, богач, по своему бесчеловечию, не склонялся на помощь бедному, а сам имел сибаритскую трапезу, полные чаши, обильно разливаемое вино, блестящие толпы поваров, тунеядцев и льстецов с самого утра, и хоры поющих, (толпы) виночерпиев и смехотворцев; измышлял всякого рода невоздержание, пьянствовал и пресыщался, роскошествовал и в одежде, и в трапезе, и во многом другом, проводя так все время; а об этом бедном и не думал, видя каждый день, как он мучится от сильного голода, от тяжелой болезни, от множества ран, от беспомощного состояния и происходящих отсюда зол. Тунеядцы и льстецы лопались от пресыщения, а бедняк, столь бедный и столь много страдавший, не получал даже крупниц от трапезы при всем своем желании; и однако все это нисколько не причинило ему вреда; он не выразил негодования, не произнес богохульного слова, но как золото, очищаясь в сильнейшем огне, более светлеет, так и он, объятый страданиями, стоял выше всего – и страстей, и происходящих отсюда у многих огорчений. Если просто бедные, взирая на богатых, терзаются завистью и мучатся ненавистью, и жизнь свою считают не жизнью, имея притом в достаточной мере необходимую пищу и благодетелей; то этот бедняк, будучи беден так, как никто другой, и не только беден, но и болен, и не имея никакого благодетеля и утешителя, но лежа среди города как бы в самой безлюдной пустыне, истаивая от сильнейшего голода и видя, что у богача все льется как из источников, а он не получает никакого человеческого утешения, но служит постоянной трапезой для языков собак (тело его было так дрябло и расслаблено, что он не мог отгонять и их), – чего бы не потерпел, если бы не был весьма мужествен и любомудр? Видишь ли, что кто сам себе не делает вреда, тот не терпит ничего худого, хотя бы все оскорбляли его? Я опять повторяю те же слова.

11. Подлинно, какой вред причинили этому ратоборцу болезнь, неимение благодетелей, нападение псов, худое соседство богача, великая роскошь его, надменность и гордость? Сделался ли он от того слабее в подвигах добродетели? Поколебалась ли твердость его? Нисколько; напротив, такое множество бедствий и такая жестокость богача еще более укрепили его, сделались поводом к бесчисленным для него венцам, умножили награды, усугубили воздаяние, послужили к большему возмездию. Он увенчан не за бедность только, и не за голод, и не за раны,

и не за лизание псов; но за то, что, имея такого соседа, который каждодневно видел его и постоянно презирал его, он переносил мужественно и с великим терпением это искушение, не мало, но весьма много усиливавшее и бедность, и болезнь, и беспомощное его состояние.

А что было, скажи мне, с блаженным Павлом? Ничто не препятствует опять упомянуть об этом муже. Не бесчисленное ли принял он множество испытаний? А какой потерпел вред? Не за то ли особенно он и увенчан, что терпел голод, страдал от холода и наготы, многократно подвергался бичеваниям, был побиваем камнями и утопал? «Но Павел, – скажешь, – был избранник Христов». И Иуда был в числе двенадцати учеников, и он был призван Христом; но ни то, что он был в числе двенадцати, ни самое призвание не принесло ему пользы, так как он не имел сердца, расположенного к добродетели. Павел, и борясь с голодом, и не имея необходимой пищи, и столь много каждодневно претерпевая бедствий, с великой бодростью пробегал путь, ведущий на небо; а Иуда, будучи призван еще прежде него, пользуясь тем же, чем и он, будучи посвящен в таинства вышней мудрости, приобщившись священной трапезы и страшной вечери, получив такую благодать, что мог воскрешать мертвых, очищать прокаженных и изгонять бесов, многократно слыша учение о нестяжательности, столько времени обращаясь с самим Христом и имея вверенные ему деньги бедных, чтобы этим он укрощал свою страсть (так как он был вор), при всем том не сделался лучшим, хотя пользовался таким снисхождением. Христос, зная, что он сребролюбив и по любви к деньгам погибнет, не только не наказал его тогда за это, но, дабы укротить его страсть, вверил ему и деньги для бедных, чтобы он, имея чем насытить свое корыстолюбие, не впал в страшную пропасть, меньшим злом отвращая большее.

12. Так везде тому, кто сам себе не хочет сделать вреда, никто другой не может повредить; и напротив, кто не хочет бодрствовать и исполнять должное с своей стороны, тому никогда никто не доставит пользы. Поэтому и дивная история Писаний, как бы на какой высокой, великой и широкой картине, описывает для тебя жизнь древних, продолжая повествование от Адама до пришествия Христова, и представляет тебе как падавших, так и увенчанных, дабы всячески вразумить тебя, что тому, кто сам себе не делает вреда, никто другой повредить не может, хотя бы вся вселенная подняла против него жестокую войну. Ни затруднительность обстоятельств, ни перемены времени, ни угнетения сильных, ни тучи злоумышлений, ни множество несчастий, ни совокупность всех человеческих бедствий не может нимало поколебать мужественного,

внимательного и бдительного человека; напротив, нерадивого, беспечного, не заботящегося о самом себе ничто не сделает лучшим, хотя бы употреблены были тысячи пособий. То же показывает нам и притча о тех людях, из которых один построил дом свой на камне, а другой на песке ([Мф. 7:24](#) и сл.); это не для того, чтобы мы представляли песок и камень, или строение из камней и кровлю, или реки и дождь, и сильные ветры, устремляющиеся на здания, но чтобы от них умозаключали о добродетели и пороке, и видели отсюда, что, кто не вредит самому себе, тому никто не сделает вреда. Итак, ни порывисто падавший дождь, ни реки, стремившиеся с великой быстротой, ни жестокие ветры, ударявшие с сильным порывом, нисколько не поколебали того дома, но он остался твердым и неподвижным, дабы ты знал, что кто не выдает сам себя, того никакое испытание поколебать не может. А дом другого скоро обрушился не от силы испытаний (иначе и с другим было бы то же), но от собственного безумия (строителя); он пал не потому, что подул ветер, но так случилось с ним потому, что он был построен на песке, т. е. на нерадении и зле. Ведь он еще и ранее, нежели буря устремилась на него, был слаб и готов к падению. Такие здания, хотя бы никто не трогал их, сами собой разрушаются, потому что основание их расторгается и совершенно рассыпается. Как паутина сама собой разрывается, хотя бы никто не прикасался к ней, а алмаз и под ударами остается целым, так точно и те, которые не вредят сами себе, хотя бы испытывали бесчисленное множество ударов, становятся более твердыми; а предающие самих себя, хотя бы никто не трогал их, сами собой увлекаются, теряются и погибают. Так погиб Иуда, который не только не подвергался никакому подобному испытанию, но и пользовался великим попечением (Господа).

13. Хочешь ли, я покажу тебе, как оправдываются эти слова и на целых народах? Какого народ иудейский удостоился промышленности? Не вся ли видимая тварь готова была на служение иудеям? Не новый ли и необыкновенный был у них образ жизни? Они не посылали на рынок, и пользовались съестными припасами, не тратя серебра; ни борозд не проводили, ни плуга не владели, ни земли не возделывали, ни семян не бросали, ни в дождях не имели нужды, ни в ветрах, ни во временах года, ни в лучах солнца, ни в течении луны, ни в благообразии воздуха, ни в другом чем-нибудь подобном; ни гумна не готовили, ни хлеба не молотили, ни в веянии не нуждались для отделения зерен от плевел, ни жерновов не вращали, ни сушильни не строили, ни дров и огня не приносили в дом, ни в искусстве печения хлеба не нуждались, ни заступа не брали в руки, ни серпа не точили и ни в другом каком-нибудь

художестве не имели нужды – например, в ткании, зодчестве или шитье обуви, но все доставляло им слово Божие. Они имели трапезу готовую, без пота и трудов – таково было свойство манны; она была всегда нова, свежа, не причиняла им никаких хлопот и не изнуряла трудом. Даже одежды у них, и обувь, и самое тело не подвергались свойственной им тленности; в такое продолжительное время одежда их не изнасилась, и ноги их не покрылись мозолями, хотя они ходили столь много. О врачах и лекарствах, или о чем-нибудь другом, относящемся к этому искусству, они и не вспоминали, так далека была от них всякая болезнь! «И вывел *Израильтян*, – говорит Писание, – с серебром и золотом, и не было в коленях их болящего» («Изведе их с сребром и златом: и не бе в коленях их боляй») ([Пс. 104:37](#)). Они так ели и так пили, как бы оставили этот мир и переселились в другую лучшую вселенную; и пламеннейшие лучи солнца не поражали голов их, потому что пламень затеняло облако, которое везде висело над ними и, передвигаясь, служило покровом для всего народа. И во время ночи они не имели нужды в светильнике, который бы рассеивал тьму, но столп огненный был для них источником неизреченного света, доставляя им две услуги – и освещая, и указывая им путь; он не только светил, но точнее всякого путеводителя водил этот многочисленный народ по пустыне. Ходили же они не только по суше, но и по морю, как по суше, преодолевали пределы природы, пешешествуя по страшному морю, как бы по твердому и крепкому камню. Когда эта стихия находилась у них под ногами, тогда она была подобна суше, ровным полям и нивам; а когда вступили в нее враги, тогда она оказала действия, свойственные морю, для них была колесницею, а для неприятелей их – гробом; тех с легкостью переправляла, а этих с великой свирепостью потопляла. Беспорядочные потоки вод оказывали порядок и покорность, свойственные людям разумным и мудрым, исполняя должность то стража, то палача, в один и тот же день обнаруживая противоположные действия. А что сказать о камнях, которые источали потоки вод? Что о тучах птиц, которые множеством своих тел покрывали всю землю? Что о чудесах, бывших в Египте и в пустыне? Что о трофеях и победах, совершенных без пролития крови? Ведь они, как бы играя, а не воюя, побеждали противников. И над властителями своими (египтянами) они одержали верх без оружия, и сражавшихся с ними по ишествии из Египта преодолевали при звуках труб и пении, так что эти действия были более ликованием, нежели войной, более церемонией, нежели сражением. Подлинно, все эти чудеса были не для того только, чтобы сделать нужное для них, но чтобы они точнее сохранили и учение о богопознании, которое преподал им Моисей.

Отвсюду раздавались голоса, возвещавшие о Господе. Об этом возвещало море, то делаясь проходимым для пеших, то становясь опять морем; и струи Нила гласили то же, изменяясь в кровь; и жабы, и рои саранчи, и скнипы, и зараза говорили это всему народу; и чудеса в пустыне, и манна, и столп, и облако, и перепелы, и все прочее было для них тогда вместо книги и писем, никогда не изглаждаемых, постоянно каждый день служа им напоминанием и отзываясь в сердце их. Однако, после такого о них промышления, после несказанных благодеяний, после великих чудес, после неизреченного попечения, после непрестанного учения, после внушения словами, после убеждения делами, после знаменитых побед, после славных трофеев, после обилия трапезы, после избытка воды, после неизъяснимой славы, какой были отличены перед всем родом человеческим, они были неблагодарны и бесчувственны, поклонились тельцу, стали служить голове вола, и искали себе богов, тогда как имели в свежей памяти совершенные в Египте благодеяния Божий и пользовались от Него еще многим и другим.

14. Напротив, ниневитяне, народ варварский и иноплеменный, не удостоившийся ничего такого, ни малого, ни великого, ни учения, ни чудес, ни дел, ни слов, как только увидели человека, спасшегося от кораблекрушения, который никогда прежде не бывал у них, но в первый раз явился, пришел и сказал: «еще сорок дней и Ниневия будет разрушена!» («еще три дни, и Ниневия превратится») ([Ион. 3:4](#)), то от этих простых слов переменялись, исправились и, оставив прежнее нечестие, обратились через покаяние к добродетели, так что изменили Божие о них определение, поддержали колеблющийся город, отклонили небесный гнев и избавились от всякого зла. «И увидел Бог, – говорит Писание, – дела их, что они обратились от злого пути своего ко Господу» («виде Бог... яко возвратися кийждо от пути своего лукаваго, и обратишася») ([Ион. 3:10](#)). Как, скажи мне, обратились они? Велики были их пороки, невыразимо нечестие, неизлечимы раны, что пророк и выразил, сказав: «злодеяния его дошли до неба» («взыде вопль злобы их») ([Ион. 1:2](#)), означая расстоянием места великость их пороков. И однако столь великое нечестие, так возросшее и так высоко поднявшееся, что оно достигало до самого неба, они в три дня, в столь краткое время, после немногих слов, выслушанных от человека неизвестного, чужеземного, подвергшегося кораблекрушению, так изгладили, так истребили, так удалили от себя, что удостоились следующих слов: «И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них» («виде Бог... яко возвратися кийждо от пути своего лукаваго, и раскаяся Бог

о зле, еже глаголаше сотворити им») ([Ион. 3:10](#)). Видишь ли, что внимательный и бдительный не только не терпит никакого вреда от людей, но отклоняет и небесный гнев; а кто сам предаёт себя и вредит себе, тот не много получает пользы, хотя бы удостоился множества благодеяний? Ни иудеям не принесло пользы такое множество чудес, ни ниневитянам не повредило то, что они не имели их; но так как они сами были расположены к добру, то в короткое время сделались лучшими, хотя были варвары, иноплеменники, не слышали никаких божественных глаголов и жили где-то далеко от Палестины.

15. Какой также, скажи мне, вред причинили добродетелям трех отроков случившиеся с ними бедствия? Не тогда ли, как они были еще молоды, и весьма молоды, в раннем возрасте, подверглись они страшному наказанию и плену, были далеко отведены и, пришедши в чужую землю, лишены и отечества, и дома, и храма, и жертвенника, и жертв, и приношений, и возлияний, и самого песнопения? Для них не только дом их был не доступен, но вместе с тем и разнообразные виды богослужения. Не были ли они преданы в варварские руки, более волкам, нежели людям, и, что всего тяжелее, находясь в варварской земле и тягчайшем плене, не имели ни учителя, ни пророка, ни начальника? «И нет у нас, – говорится в Писании, – ни князя, ни пророка, ни вождя... ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою» («и несть... князя и пророка и вождя... ни места, еже пожрети пред Тобою и обрести милость») ([Дан. 3:38, 39](#)). Притом они введены были в царский дом, как бы на какую-нибудь скалу и утес, и в море, наполненное подводными камнями, и принуждены были плыть по этому страшному морю без кормчего, без рулевого, без корабельщиков и без парусов, или как бы в темнице заключены были в царских чертогах. Они любили мудрость, стояли выше житейских дел, попрали всякую гордость человеческую, отличались легким крылом, и потому пребывание там считали усугублением своих бедствий. Находясь вне дворца, в частном доме, они могли бы пользоваться большой свободой; а поступив в эту темницу (ведь они считали всю тамошнюю пышность не лучше темницы, утесов и подводных камней), они тотчас встретили ужасное затруднение. Царь повелел им участвовать в собственной его трапезе, роскошной, нечистой и скверной; а им это было не позволительно и казалось тяжелее смерти; они оставлены были одни, как агнцы между множеством волков. Необходимо было или мучиться голодом, или идти на смертную казнь, или вкушать запрещенные яства. Что же делают эти юноши – сироты, пленники, пришельцы, рабы дающих им такие повеления? Они не подумали, что

достаточным для них извинением может послужить необходимость и насилие властелина города; но употребляют все способы и усилия, чтобы избежать греха, хотя были совершенно беззащитными. Ни деньгами они не могли склонить на свою сторону, – как это возможно для пленников? – ни дружбой и знакомством, – как это возможно для пришельцев? – ни властью не могли заставить, – как это возможно для рабов? – ни многочисленностью преодолеть, – как это возможно только для троих? Поэтому они пришли и стали словами убеждать того евнуха, который имел здесь власть. Увидев, что он боится, трепещет и заботится о собственном спасении, и непреодолимый страх смерти потрясает душу его: «Боюсь я, – говорил он, – господина моего, царя... если он увидит лица ваши худощавее, нежели у отроков, сверстников ваших, то вы сделаете голову мою виновною перед царем» («боюсь аз господина моего царя... да не когда увидит лица ваша уныла паче отроков сверстников ваших, и осудите главу мою царю») ([Дан. 1:10](#)), они удаляют от него это опасение и убеждают оказать им милость. И так как они сделали все с своей стороны, то и Бог после того сделал свое: не Божиим только делом было то, за что они имели получить награду, но прежде всего это зависело от их душевного расположения, которое они показали доблестным и твердым, – потому и приобрели себе Божие благословение и довершили то, чего домогались.

16. Видишь ли, что никто другой не может причинить вреда тому, кто не вредит сам себе? Вот, ни молодость, ни плен, ни сиротство, ни удаление в чужую землю, ни одиночество, ни неимение заступников, ни строгое повеление, ни великий страх смерти, стеснявший душу евнуха, ни бедность, ни малочисленность, ни пребывание среди варваров, ни то, что властители были их врагами, ни то, что они преданы были в руки самого царя, ни разлука со всеми родными, ни удаление от священников и пророков и прочих, кто бы заботился о них, ни неимение жертв и возлияний, ни лишение храма и песнопений, и ничто подобное не причинило им вреда, но тогда они сделались гораздо более славными, нежели когда пользовались этим в своем отечестве. Таким образом, совершив первый подвиг, украсившись светлым венцем, сохранив закон и в чужой земле, поправ повеление тирана, победив страх перед мстителем, и не потерпев никакого вреда, но совершив это дело с такой легкостью, как будто бы находились в доме и пользовались всеми благами, они потом призваны были к другим подвигам. И опять они остались теми же. Им предстоял подвиг еще труднее прежнего, была разжена печь и варварское войско вместе с царем вооружилось против них; все персидские силы

пришли в движение и все устроено было, чем бы обольстить их или принудить: разнообразные роды музыки, различные способы мучений, угрозы, страшные со всех сторон явления, и еще более – страшные слова; но несмотря на то, так как они не изменили сами себе, а сделали с своей стороны все нужное, то нисколько не потерпели вреда, а напротив, украсились венцами еще светлее прежних. Навуходносор связал их и бросил в печь, но не причинил им вреда, а еще больше доставил пользы и сделал их более славными. Те, которые не имели ни храма (опять скажу то же), ни жертвенника, ни отечества, ни священников, ни пророков, в чужой и варварской стране, даже среди самой печи, среди всего войска, в глазах самого царя, совершавшего это, воздвигли блистательный трофей и одержали знаменитую победу, воспев дивную и преславную песнь, которая с того времени доньше поется по всей вселенной и будет воспеваема в последующих поколениях. Так, кто сам себе не делает вреда, тот не может испытать никакого вреда от других; я не перестану постоянно повторять это изречение. Если плен, и рабство, и одиночество, и удаление от отечества и от всех родных, и смерть, и сожигание, и столь великое войско, и столь жестокий тиран трем отрокам, юным пленникам, рабам, пришельцам, бывшим в чужой земле, не могли причинить никакого вреда в собственной их добродетели, но такое насилие еще послужило для них поводом к большему дерзновению, то что может повредить человеку бдительному? Ничто не может, хотя бы вся вселенная вооружилась против него. «Но тогда Бог, – скажешь, – предстал им и избавил их от пламени». Точно так; но если и ты сделаешь все с своей стороны, то, конечно, вслед за тем и Бог сделает все с своей стороны.

17. Впрочем я не потому удивляюсь этим отрокам, ублажаю их и почитаю достойными подражания, что они попрали пламень и превозмогли действие огня, но потому, что они были связаны, брошены в печь и преданы огню за истинное учение. От этого произошел весь трофей их, и как только они были брошены в печь, то уже возложен был на них венец, который начал сплетаться еще прежде исполнения дела, когда они, с великой отвагой и дерзновением представ перед царя, говорили: «нет нужды нам отвечать тебе на это. Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся» («нетребе нам о глаголе сем отвещати тебе: есть бо Бог наш на небесех, Ему же мы служим, силен изъяти нас от пещи огнем горящия и от руку твою избавити нас, царю: аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю,

яко богом твоим не служим и телу златому, еже поставил еси, не кланяемся») ([Дан. 3:16–18](#)). За эти слова я прославляю их; при этих словах получив победную награду, они пошли к светлому венцу мученичества, присоединив к исповеданию на словах исповедание на деле. А что огонь устыдился тел их, вверженных в печь, расторг узы их, доставив им возможность свободно ходить там и забыл о собственном действии, и огненная печь сделалась источником прохладных вод, это уже было чудом Божией благодати и высшего чудодействия. Таким образом эти ратоборцы еще прежде, нежели совершилось такое чудо, как только вошли в пламень, уже воздвигли трофей, одержали победу, украсились венцем, прославились на небесах и на земле, и ничего не оставалось более к их прославлению. Что же можешь ты сказать на это? Отправлен ли ты в ссылку и изгнан из отечества? И они также. Попал ли ты в плен и под власть варваров? То же, как видишь, было с ними. Никого не имеешь ты, кто бы там находился при тебе, помогал тебе, наставлял и научал тебя? И они лишены были этой помощи. Тебя связали? Тебя жгут? Тебя умерщвляют? Мучительнее этого ты не можешь ничего сказать; но вот и они, прошедши все это, после каждого мучения делались славнее, знаменитее, и собирали большее богатство на небесах. Иудеи, имея и храм, и жертвенник, и кивот, и херувимов, и очистилище, и завесу, и бесчисленное множество священников, и каждодневные службы, и жертвы утренние, и вечерние, непрестанно слушая пророков, живых и умерших, оглашавших слух их, сохраняя воспоминание о чудесах, бывших в Египте, в пустыне, и о всех прочих, имея их написанными на руках своих и на порогах, испытав великие тогдашние чудотворение и другие благодеяния, не только не получили никакой пользы, но еще получили вред, поставив идолов в самом храме, закалая сынов своих и дочерей под деревьями, совершая эти незаконные и нечестивые жертвоприношения почти по всей стране Палестинской, и делая тысячи других гнуснейших дел. А отроки, находясь среди варваров, в неприятельской и враждебной земле, в доме тирана, лишены всякого попечения, подвергаясь мучению и действию огня, от этого не только не потерпели никакого вреда, ни малого, ни великого, но еще более прославились. Итак, зная это и подобное тому собирая из боговдохновенных и божественных Писаний (а много можно найти таких примеров и на других различных лицах), не станем думать, что затруднительность времени или обстоятельств, или необходимость и принуждение, или насилие властителей могут служить для нас достаточным оправданием в наших грехах. О чем я вначале сказал, тем же теперь и окончу речь: если кто терпит вред и обиды, тот непременно

терпит сам от себя, а не от других, хотя бы много было людей, обижающих и притесняющих его. А если кто не терпит сам от себя, то, хотя бы нападали на него все вообще жители всей земли и моря, они не могут причинить ни малого вреда бдительному о Господе и внимательному. Будем же, увещаю вас, бдеть и бодрствовать всегда и станем мужественно переносить все скорби, дабы получить нам вечные и нетленные блага во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.